

Жизнь Вячеслава Богданова (1937–1975) – точно полёт кометы: яркая, завораживающая и – увы! – недолгая. Он закончил всего четыре класса средней школы. Но не потому, что не хотел учиться, – учёба в школе в послевоенные годы стала для него непосильной роскошью. И не пролетело ещё безотцовское, полуголодное, детство, как пришлось покинуть родимый дом, чтобы, получив специальность, самому кормить овдовевшую мать. Из Тамбовской деревни отправился он на Урал, в челябинскую школу фабрично-заводского обучения. Здесь, в Челябинске, на металлургическом заводе проработал Вячеслав Богданов пятнадцать лет. Только спустя годы окончил он школу рабочей молодёжи. А вскоре, по рекомендации поэта Василия Фёдорова, был принят в члены Союза писателей СССР, а чуть позже – на учёбу на Высшие литературные курсы. Ещё через несколько лет Вячеслав Богданов трагически погиб в Москве. . .

Расцвет его творчества пришёлся на 60–70 годы, когда “деревенская” тема если и не господствовала в русской литературе, то уж, во всяком случае, была одним из главных художественных мотивов. Возникнув, эта тема довольно скоро превратилась в моду, вызвав к жизни волну подражательства, результатом чего стало появление авторов, не знающих народной жизни (а может, не любящих её в должной мере, чтобы писать о ней?), но, однако же, хватающихся за перо и охотно создающих псевдодеревенские идиллии или пасквили. Вячеслав Богданов принадлежит плеяде художников, чей творческий гений заставил городскую Россию вспомнить о России деревенской. И не просто вспомнить, но учиться воспринимать её без высокомерия, учиться болеть её болью и радоваться её радостью. Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Вячеслав Богданов – такие разные и непохожие в частностях художники похожи и близки в главном – в ведении, в безупречно-точном восприятии писательским чутьём настоящей, подлинной России, её народа, её правды, её тревог и чаяний.

Мы говорим о любви русских поэтов к России не потому, что любовь эта есть благо, долг гражданина и державные скрепы. Но потому, что всякое подлинное искусство только тогда подлинно, живо и сильно, когда оно национально, то есть образно и формально связано с традицией народа, породившего

художника. Так человек может свободно расправив плечи и многое объяснить в самом себе, когда знает, кто он, какой народ его породил, каким наделил характером, как научил смотреть на мир, воспринимать вечное и живое.

Вячеслав Богданов не стремился к новаторству. Как всякий большой поэт он понимал, что нарочитый поиск новых форм — это удел бездарности, сияющей выделиться среди себе подобных. Произведение же истинного таланта обречено на самобытность. В руках мастера оно либо само каким-то чудесным, непосредственным образом примет новые, небывалые формы, либо, сохранив привычные внешние очертания, осветится гением творца и, заиграв, окажется непохожим ни на что, бывшее прежде. Художественно близок Вячеслав Богданов предшествующему поколению “деревенщиков” (назовём так вышедших из народа поэтов, чьё творчество — не в силу модных тенденций, а в силу причастности, предопределённой рождением, — было накрепко связано с народной жизнью). Это, прежде всего, Сергей Есенин и Сергей Клычков. Близок их стихам стих Вячеслава Богданова и метрически, и образно: “Месяц синим рогом // Тучи прободил...”, “Золотою лягушкой луна // Распласталась на тихой воде...”, “Тихо в чаще можжевеля по обрыву. // Осень — рыжая кобыла — чешет гриву...” (С. Есенин); “Лишь вдали на скале, как рыба, // Наклонился над озером месяц...” “Ой ты, осень, золотая быль! // Вышел месяц, сгорбился, бобыль. // Он глядится старчески в реку, опершись на жёлтую клюку...”, “О зелёный пламень сосняка // Чешут клёны рыжие бока...” (В. Богданов); “Я окрепну и духом, и речью // За трудом и за чёрным куском...” (С. Клычков); “Отмахиваешь кувалдой пудовой, // Будет легче казаться перо...” (В. Богданов).

Любовь к родной природе, одушевление её и стремление к слиянию с ней роднят Вячеслава Богданова и с более ранними певцами природы — Ф. И. Тютчевым и А. А. Фетом. “Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле”, — писал Ф. И. Тютчев. Это утверждение применимо и к творчеству Вячеслава Богданова, создавшего своими стихами картину настоящей “нераженной русской жизни”. Его герой — крестьянин ли “большелобый, плечистый”, рабочий, “чуть сутуловатый, в грубой куртке”, или старушка-мать, что одиноко дожидает свой век в опустевшем доме и тоску “...лечит крепким чаем // И на заре уходит в огород”, — это всегда человек из народа, наблюдения за которым почерпнуты не из газет и не из кино. Читателю сразу полюбились и мальчик, ищущий ночью отбившуюся от стада корову, и красавица-вдова, притягивающая к себе мужские взгляды, но сама после войны так и не взглянувшая ни на кого, и Петька — “каменщик с пятой печи”, днём вдыхающий мареновский жар, а вечером с кровати в общезнанию внимающий стихам приятеля-поэта, такого же рабочего парня. Вячеслав Богданов предельно точен в слове. Слово всегда стоит у него на своём месте, и едва ли отыщется неоправданная, натянутая рифма, разбивающая смысл и атмосферу стиха. Даже в “заводских” стихах, где “недаром” рифмуется со “сталевара”, “поморщась” с “нормировщик”, а “тропы” с “тикстропы”, все рифмы и созвучия служат единой смысловой цели — создать атмосферу цеха, словом и образом передать жар печей, грохот, звон и скрежет металла, смежающую веки усталость в конце рабочего дня и сладость отдыха. И всё это без фальши, без литературщины, без эстетизации потных тел и грязных рук. Нет никакой позы, никакой фальши ни в чём. Всё просто, изящно, мужественно-красиво.

Человек самого простого происхождения и нелёгкой судьбы, Вячеслав Богданов всегда благороден, великодушен и изыскан. Мы не встретим в его стихах ни резкого слова, ни грубого суждения, ни мелочной мстительности, ни отталкивающего злопамятства, ни унижающей самого человека зависти к тем, кого судьба избрала в любимчики. Лишь однажды его юный герой-рабочяга позавидовал таким же, как и сам, мальчишкам, бегущим с уроков:

*Пахло терпко от вешней земли.
По проспекту ватагой весёлой
Мне навстречу ровесники шли
Из манящей до слёз меня школы.*

*Хоть и знал я — они ни при чём,
Взглядом смерив по-взрослому строго,*

*Задевал их мазутным плечом:
— Дай рабочему классу дорогу...*

(“Начало биографии”)

И, возможно, оттого, что наделён был поэт внутренней утончённостью и мудростью, чуткостью и к окружающим его людям, и к слову предков, запечатлённому в песнях и преданиях, застывшему в камне церковей и очертаниях изб, его герои зачастую так похожи на героев народных сказок. Потерялась кормилица Бурёнка (“Корова”). Где искать её? Ночь застаёт мальчишку за поиском:

*Тьма легла в репейные низины
К берегам речной зелёной тины.*

А ночью страшно. Ночью мерещится кругом разная нечисть, что так и норовит уловить, обмануть, погубить. Нет кругом ни души. Только лягушки квакают, да “в небе звёзды вышли, как подружки”. У кого просить помощи маленькому человеку, растерявшемуся, сбившемуся с пути?

*Тороплюсь, промокший, суевливый,
За корову принимаю иву.*

Как персонажи русских сказок обращались за помощью к печке, яблоне, месяцу, ветру, обращается он с вопросом к звёздам:

*Звёзды, звёзды, окажите милость,
Где Бурёнка наша притаилась?*

И сжалились звёзды:

*Вдруг звезда на небе замигала
И в овраг за вёслами упала.
Вылезла Бурёнка из оврага,
Вся в репьях рогатая бедняга.*

А когда привёл наконец-то Бурёнку домой, то “за помощь поклонился звёздам”.

Так чисто и непосредственно переданы ощущения мальчика, его восприятие ночи, что мы невольно заражаемся этим волшебным чувством слияния человека с окружающим миром, и хочется, сбросив с себя груз сует, носить над землёй, упиваться свежестью ночи, захлёбываться её запахами, слушать пение лягушек и разговоры звёзд, гладить рогатую иву и похлопывать кнутом росистый вечер...

Воспоминания о бесхлебном, безотцовском детстве не пробуждают в поэте мрачного озлобления или малодушной жалости к самому себе. Поэт полон светлых, хотя порой и грустных воспоминаний о том, как

*...тайком, не веря извещению,
Ходил встречать на станцию отца,
Но все надежды были лишь затменье,
И прояснилась правда до конца...
(“О матери”),*

как рано вышел работать в поле и работал наравне со взрослыми, а

*...сено снизу подавала
Тридцатилетняя вдова.
(“Возы”).*

О том, как “всей семьёю вперемежку” мололи на ручной мельнице зёрна ржи, принесённые домой украдкой в карманах, и как после мать месила тесто,

чтобы накормить детей испечённым караваем. И всё бы забылось, всё истёрлось бы из памяти, если бы однажды, спустя годы, не приехал в деревню герой стихотворения “Помол” (а нам представляется, что в этом стихотворении, как и в целом ряде других, за лирическим героем стоит сам автор) и

*...от мельницы домашней
Нашёл в бурьяне жернова.*

Многое изменилось, стал русобровый деревенский мальчишка сталеваром-заводчанином и только в отпуск приезжает на родную землю. Но

*...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...
(“Древняя степь”).*

Всё перегорает и отмирает, уверяет нас поэт. Проходит беспечность молодости, ей на смену приходят раздумья – “жизни груз”. Но остаётся с русским человеком Русь – “нагруженные синью ковыли”, “запах мёда от цветущих лип”, “берёз зелёных хмель”... Навсегда остаётся, даёт ему силы, наделяет смыслом каждый прожитый день.

Значительная часть творчества Вячеслава Богданова посвящена теме единства, нераздельной слиянности русского человека с его землёй. Сегодня, забытый было в вихре суеты и погони за тленным, поэт возвращается к нам. “Возвращается, – по слову его друга, поэта В. В. Сорокина, – светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебединая”. И вслед за Валентином Сорокиным хочется воскликнуть: “Господи, обереги его слово на путях грозных!!! Сбереги и дай простора ему...”

.....

***Поздравляем нашу верную подругу,
выдающегося русского поэта
Ольгу Александровну Фокину с юбилеем!***

Статью Нины Веселовой “Ольга Фокина. Избранное” читайте в следующем номере.